

Фйруз МУСТАФА

БЕГ

Ноги его будто оторвались от земли. Вдали, там, где небо сливалось с землей, светилась розовая полоса, и жеребенку отчего-то казалось, что по ту сторону розовой полосы есть неистовый буйный табун, мчащийся в бесконечность, поднимая пыль. Иногда до слуха его доносились ржание коней в том шалом табуне - все кони те были золотого цвета. Сейчас жеребенок скакал на это ржание, на этот зов.

Вдалеке сверкала молния; черные тучи гнали золотистые облака.

Потом на все вокруг опустилось странное безмолвие. Топот, незадолго до того эхом отдававшийся у него в ушах - сначала топот табуна, потом его собственных ног, - как будто исчез; жеребенок уже не слышал ни звука. Он скакал внутри безмолвия, стараясь слиться с родным табуном, с которым когда-то разлучился.

Лишь добравшись до берега узкой, мелкой речушки, жеребенок почувствовал жажду. Прильнул вспенившимся губами к холодной-прохолодной воде, бесшумно текущей меж густых трав. Вода, которую неспешно, осторожно пил жеребенок, впитала в себя их аромат. Приятная дрожь разлилась по груди. Даже озноб как будто пробрал. Пошевелив хвостом, он фыркнул пару раз. Небольшие волны прошлись по нутру жеребенка, будто лизнули, и скоро ласковое ощущение тех волн, словно просочившись наружу, прошлось по коже его, мягкой, бархатистой...

Оторвав губы от воды, он поднял голову. Ударив раз-другой копытом в землю, хотел снова ринуться вперед. Но почему-то какое-то время не трогался с места. Подняв голову, посмотрел на горизонт. Странно: кони табуна, который искал он, за которым мчался, разбрелись по небу. Те кони будто бились в волнах-облаках, плывущих по небу, сопротивляясь надвигающемуся на них страшному селю, стараясь спастись.

Жеребенок, заржав, поднялся на дыбы. Слово крылья выросли у него, и сейчас он полетит следом за тем "та-

буном" - за теми тяжелыми золотистыми облаками. Ведь и мать жеребенка, гнедая, была в том "табуле"! Мама поила по пенным, точно молоко, вздымавшимся облакам. Почему же та гнедая не слышала зова жеребенка, своего ребенка? Жеребенок заржал еще раз; голос его, ударившись о скалы, вернулся обратно к нему...

И снова ноги его оторвались от земли. Теперь он скакал за тем "табуном" в небесах. Но "табун" тот разметало небесными потоками. Жеребенок чувствовал, что не дognать ему тех "коней" небесных. Ну и что? Он будет скакать, пока хватит дыхания, лишь выбившись из сил, ляжет он на душистые травы с вздымающейся грудью и глубоко переведет дыхание. Пусть видит мама, какой он у нее славный да лихой. И пусть поразится его сыновней верности кони в том "табуле"...

Жеребенок скакал в четыре копыта. Он впервые получил возможность так вольно мчаться за своей сладостной, как весенние травы, мечтой. Жеребенок и раньше бывало отправлялся в дальнюю дорогу; но тогда он был рядом с мамой своей; в таких походах он, опустив голову и размахивая хвостом, шел за мамой своей. Однако внутри у него всегда жила тайная страсть гулять и жить свободно, одному. Отчего-то скучал он в табуне.

И вот теперь жеребенок был свободен. Мчался во всю мочь за рассеянными по небу конями-облаками. Только странно было: незримая рука будто гнала куда-то, уведила тех "коней". До слуха жеребенка порой доносились ржание матери, постепенно тмневший "табун" облаками утливала куда-то в глубину небес и словно таял. Исчезал на небесном склоне.

- Эге-е-й!..

Это был человеческий голос. Жеребенок хорошо знал хозяина его. Но сейчас ему не хотелось видеть хозяина. Ему не хотелось видеть и "табун". Хотелось найти лишь маму, увидеть лицо ее, услышать ржание хотелось...

Темнело. В сумерках жеребенок вновь взглянул на небо и увидел, как "кони" "табуна" вдруг исчезли. Он неожиданно стал захыхаться, почувствовал тяжесть в груди, в глазах потемнело. В сером сумеречном небе от мамы не осталось и следа; и ржания уже не стало слышно.

- Эге-е-й!..

Нет, жеребенку сейчас не был нужен хозяин этого голоса. Он хотел слышать лишь голос мамы своей, почувствовать запах ее.

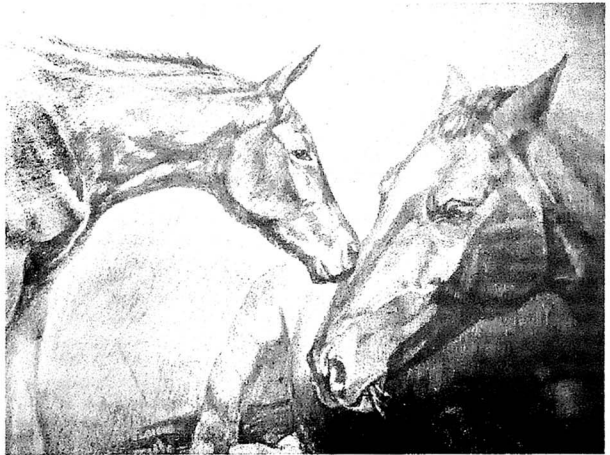
...В небе мерцали уже звезды. Жеребенок замедлил шаг, но останавливаться не хотел.

Звезда на небе становилось все больше. Но у них не доставало сил осветить землю. Тяжелый мрак окутал все вокруг.

Подняв голову, он вновь всмотрелся ввысь: впереди, в ложине, полной мрака, сверкнула пара звезд. Казалось, небесный свод стал звездам тесен, поэто-

Рассказ-
триптих

ДЕНЬ

му "звезды" стали спускаться на землю. Инстинктивно замедлив шаг, жеребенок направился к "звездам", сверкавшим в ложине. Он увидел, что эта пара "звезд", до того будто пришибленная к земле, теперь направлялась ему навстречу. Отчего-то вдруг волнами пробежал по телу холодок. Он еще замедлил шаг.

Скоро заметил темнеющее пятно позаци пары "звезд" и всем телом содрогнулся. Пятно приближалось, и жеребенок, себя не помня, заржал, что было сил, и сменил направление - кинулся в сторону. Прибавив скорость, отгибая темное пятно с горящими "звездами", почуял у бедра чужого зверя и свел задние ноги; тупой удар их явно пришелся по чему-то. Но, видимо, темное пятно со "звездами" не намерено было отставать от него. Скоро он почувствовал ужасную боль в боку. В жизни ничего подобного он не ощущал. Собрав все силы, жеребенок прибавил в беге и, сведя ноги, опять лягул преследовавшую его тень: но на этот раз удар был не таким метким. Темное пятно бросилось ему на спину. Жеребенок качнулся, но удержался на ногах, не упал, яростно выпрямился и горько-горько заржал. Острыми, как нож, зубами пятно впишлось ему в основание хвоста. Жеребенок хоть и чувствовал текущую по ногам горячую кровь, мчался вперед что было сил, чтобы высвободиться из лап темного пятна. "звезды" которого жили его, превратившись в плачущие головешки. Ржания мамы уже не было слышно. Но почему теперь не слышался голос хозяина - Человека, недавно звавшего, искавшего его? Постепенно жеребенка оставляли силы. А это безжалостное темное пятно и вправду не думало отставать от него! Прибавив скорость, оно ринулось вперед. А жеребенок в этот миг остано-

вился. Теперь он стоял лицом к лицу со страшным пятном. На голове его по-прежнему горела пара холодных, наводящих ужас "звезд". Теперь ему виделся такими же страшными и рассыпанные по небу звезды; наверное, за блеском их тоже кроются коварные тени, которые в любую минуту могут броситься вниз и напасть на теряющего силы жеребенка и даже на "табун", уже смешавшийся с темнотой. Колени жеребенка задрожали. Кажется, все было кончено. Наверное, никогда уже он не услышит материнского ржания; его первое свободное, самостоятельное путешествие здесь же и завершится. Он больше не увидит "табуна", за которым бежал - золотистых "коней" на небесном склоне. Жеребенок встал на дыбы. Заржал. С бедра его набежала на землю маленькая лужица крови. Помешив, темное пятно стрелой, выпущенной из лука, вновь бросилось на него. Жеребенок заржал опять... И потом к этому ржанию присоединился голос:

- Эге-е-й!..

Увеченное "звездами" страшное пятно, слышавшее человеческий голос, отпрянуло в сторону и снова приготовилось к нападению. В тот же миг раздался выстрел. Ключок света прочертил в воздушной дуге. Темное пятно яростно завыло, клануло зубами и в мгновение ока скрылось из виду.

Откуда-то вдруг появился хозяин голоса и подбежал к жеребенку. Провел рукой сначала по голове, потом по бокам его. Кажется, ничего не разобрав в темноте, поднес руку, в чем-то теплую, к носу. Потом послышалось сдавленное рыдание Человека.

Повернув голову, жеребенок прижался к лицу Человека. Его густая холодная грива коснулась лица, глаз Человека.

Все погрузилось во тьму. Свет звезд

ЛОШАДИ

небесных землю осветить не в силах был...

На другом конце долины жеребенок снова увидел все ту же пару злых холодных "звезд", и опять холодными волнами пробрало тело.

Отходя от жеребенка, Человек осторожным шагом двинулся вперед: наверное, и он заметил пару "звезд" в долине. Сначала послышался короткий выстрел, после долгий и протяжный вой...

Поднявшись на дыбы, жеребенок заржал от души...

Послышался топот ног издалека.

Может, то "табун" спустился с небес на землю.

Погладив гриву жеребенка, Человек надел на него уздечку.

Полу лаский вестерок... Издалека доносилось отрывистое ржание.

САМОУБИЙСТВО

...Уже зажили его раны. Хозяин теперь ни на миг не выпускал из виду жеребенка - дома ставил его в конюшню или привязывал к фонарному столбу, а за пределами двора непременно водил за собой на уздечке.

Жеребенок сильно скучал по матери, которую давно не видел. Мать же, будто став хлебом масляным, взошла на небо. Вначале он пару раз видел ее в табуне и горестно ржал, вставая на дыбы. Гнедая точно так же ржанием ему отвечала. Но тогда им не дали возможности подойти друг к другу. Ну, что скажешь ты жестокости людей?.. Мать и дитя хотели видеть друг друга! Но он обязательно увидит свою мать. Вначале капризно куснет ее в шею, потом потрется мордой о морду ее. Почувствует ее запах и, упев в землю копыта, встанет с нею рядом, взглянет исподлобья и увидит, как вырос он за последние дни. Сейчас они уже, наверное, одного роста. Когда будут стоять они рядом, смешаются их гривы, как густые, пенные облака.

После того, как зажили раны, он стал более бдительным и осторожным. Ему уже не хотелось мчаться за разбежавшимися по небу "кожицами", за "табуном" - золотыми облаками.

В последнее время поведение его непроизвольно изменилось. Окрепли передние ноги, вытянулись задние, грива, хвост засветились, заиграли новым ярким цветом. И аппетит заметно прибавился. А после того, как его подковали, он, казалось, и выглядеть стал совсем по-другому. На соседских жеребят, коней молодых смотрел он уже

иначе. И молодые кобылки, с кипишинами, как родники, глазами тоже посматривали на него как-то по-другому.

Он теперь обратель внимание на то, как бьется сердце у него в груди, как резко течет по жилам кровь. В жеребенке играла кровь.

Изменилось и ржание его; от мощи собственного голоса порой вздрагивал и он сам.

Инстинкты влекли его к ровесникам противоположного пола. Слово какают скрытая, сумасшедшая сила внутри поднимала мятеж против него самого.

Хозяин по настроению его, кажется, начал понимать, чего он хочет.

* * *

- Сосед, а жеребенок-то твой вон как вымахал, слава Богу...

- Что значит вымахал?! Настоящий жеребец.

- Хорошая порода... Пусть копыто его будет крепко.

- Чувство, уже места себе не находит. Кровь играет.

- Пусти тогда в табун.

- Нет... Какой там табун?.. Там кони молодые, кобылы распаленные изведут его... Ты на стая его посмотри, на выправку... Это же джейраи, джейраи...

- Послушай... Хочу спросить у тебя: а что, если свести его с нашей гнедой, а?.. Наша тоже в последнее время проявляет беспокойство. Говорю, может, был с остудит ваш конь, что сейчас бьется с небесами.

- "Ваша" говоришь... Так ведь и она тоже "наша", родная мать его... Получить пришло от своего же жеребенка... Нет... Этот жеребенок... С той гнедой... Как же так можно? Грех на душу брать...

- Ну и что же с того, что мать?.. Для лошади что мать, что ребенок?.. Эх, сосед... Что может лошадь понимать в грехе?.. Сейчас с человеческими пристрастиями не разобраться, а ты залачил - гнедая, жеребец... Честь коня бережешь, что ли? Лучшее открыто скажи, что просто не хочешь это дело сладить... А то нет...

- Да нет, сосед, ты ничего такого не подумай. Придем лошадей, пусть побудут вместе... Просто так...

- Ладно, нукай. Вечером пойду на пастбище. Заберу из табуна и приведу. Они, наверное, уже давно забыли, что рожня друг другу.

- Пусть бы так... Но маловероятно, что забудут. Как бы там ни было, приводи, а там посмотрим, поладят они или нет.

- Завтра дома?

- Да...

- И жеребенок здесь будет?

- Да... И я ведь сказал тебе, сосед, он уже не жеребенок.

- Нет, пока еще жеребенок. Посмотрим, как он себя покажет. Думаешь, каждый жеребенок может показать себя жнихом?.. Ха-ха-ха...

- Да... А я-то что... Посмотрим... Не смейся, сосед.

- Ну, будь здоров, сосед...

- Пока...

* * *

Услышав материнское ржание, он навострил уши. Хозяин, отвязав его от фонаря, отошел в сторону. Обернувшись назад, жеребенок увидел гнедую. Мать и дитя ястребами бросились друг к другу. Сначала они ласково покусали друг друга в шею, потом побрыкались. После стали тереться мордами друг о друга. Их буйные гривы падали волнами на глаза. Дыхание их обоих отдавало свежими сладкими травами.

Пойдя к жеребенку, хозяин провёл ладонью по шее его. Сосед тоже подошел к своей лошади - его матери - погладил гриву гнедой, хвост; шлепнул ладонью по крупу, по бедру. Повернув шею, гнедая грустно-грустно взглянула на жеребенка. Его вдруг охватила какой-то скрытый ужас. В глазах матери светился странный холодный свет. Этот блеск отчего-то показался знакомым жеребенку; словно из-за этого холодного блеска скоро покажется страшная, "звездами" увенчанная тень, и мать будто сейчас уже чувствовала ее присутствие.

Мать приблизила к нему свои толстые, трепетные, со стескающей слюной губы. Стала языком вылизывать его окрешенную в последние дни шею. Сосед же все похлопывал ее по крупу.

Хозяин что-то напестывал жеребенку на ухо. Сердце прыгало в груди у жеребенка, тело окатывали мягкие волны, дрожали колени. Он не просто чувствовал, как кровь, журча, бежит по жилам, он почти слышал это журчание. Уши его навострились. Губы трогала мягкая дрожь. Скоро слона их уже смешалась.

Сосед отвернул голову лошади в сторону. А хозяин жеребенка гладил ему передние ноги и все шептал что-то на ухо. Будто молитву читал.

Теперь мать и жеребенок стояли рядом, а друг за другом, то есть в одну сторону головами; впереди мать, за ней - жеребенок. Широкий круп матери упирался ему в нос. Мать стояла ниже в небольшой канавке и спокойно пофыркивала.

Жеребенок ткнулся носом лошади в крестец. Знакомый родной запах был приятен, но он вдруг потянулся и отошел назад, заржал и встал на дыбы; как будто вдруг понял, для чего стоящие рядом люди его поставили наверх канавки позади матери и подталкивали к ней. И мать точно так же подталкила на задние ноги, прочертив над головой соседа большую дугу. Мать и детеныш

стояли лицом к лицу, глаза в глаза. Лошади застыли грудь к груди и напоминали памятник в граните.

* * *

- Твой жеребенок, сосед, не прошел испытания.

- Я же говорил тебе... Они - мать и дитя... Мать и дитя... Понимаешь?

- Ну и что? Мы их что, держим как пример нравственности для людей? Лично я свою лошадь, как только оженится, и запрягать в фазгон стану, и к сохе приставлю...

- Лошадь, сосед, не для фазгона, не для плуга.

- А для чего?

- Для выезки... За ней ухаживать надо, холить ее, лелеять...

- Что?.. Хм... "Холить..." Женщина она, что ли, или жена, чтобы холить ее? Ладно, ладно, сосед... Не надо трогательных речей... Так что делать будем? Твой-то жениться будет или нет?

- Сам же видел, что получилось...

- Видел, видел... Но что делать, если во всем табуне нормального жеребенка нет. Все кривые да косые, уроды. Ты ведь сам продавал мне лошадей; вот я и говорю, пусть от своей же породы и понесет.

- Думаю, дело это не сладится.

- Нет, сладится...

- Сладится? И как же?

- Завяжем глаза обоим...

- Даже не виля, они почуют друг друга по запаху.

- Знаю, дело это так. Конь - животное чуткое. Но я и это учел.

- И что?

- Обоим завязываются глаза, и тела натираются свежим навозом. Тогда и не увидят они друг друга, и не почуют. Животное, сосед, какими бы чутким оно ни было, но по части хитрости до человека ему далеко... Ха-ха-ха...

- Но ведь это же грех...

- Почему грех?.. Животному какая разница?.. Или до сих пор дело это невиданное и неслыханное?

- Я знаю характер своего жеребенка. Он не подойдет к животному, от которого разит навозом.

- Вижу, сосед, уж больно мямлишь ты. Но я и это продумаю...

- Что же ты придумал?

- Вначале мы к твоему жеребенку подведем разогретую кобылку из стада. Когда они поладят, найдут уже общий язык, я подведу свою лошадку. Тогда ни распаленная лошадь не признает жеребенка, ни разохотевшийся жеребец - лошадь в свежем навозе... К тому же глаза у обоих будут завязаны. Что скажешь на это?

- Ладно, как стемнеет, приводи лошадь.

- Нет, отложим до рассвета. Ведь говорят же - утро вечера мудренее. Не так ли?..

- Да так... Будь по-твоему...

(Окончание следует)